

Александр Мещеряков, японовед: «Японская литература многообразна, и каждый сможет найти в ней то, что соответствует его душевному настрою»

Чем японская литература отличается от европейской, почему она так актуальна для современной молодежи, и с чего стоит начать чтение, – рассказывает исследователь японской истории и культуры Александр Мещеряков, без которого многие шедевры японской литературы мы никогда бы не прочли на русском языке.

– С чего начался Ваш путь в японскую литературу?

– Моим первым литературным переводом была книга «Японские легенды о чудесах». Она вышла в 1984 году. Ее основу составили буддийские легенды и предания, которые были составлены монахом по имени Кёкай на рубеже VIII–IX веков. Моя кандидатская диссертация была посвящена взаимовлиянию буддизма и синтоизма в древней Японии, и мне пришлось работать с разными источниками. Одним из основных и стали эти легенды, к которым я добавил и предания из других произведений буддийского происхождения. Книгу так и следовало бы назвать – «Японские буддийские средневековые легенды», но всякое упоминание о религии без определения «реакционная» было тогда невозможно. Вот и получились «Японские легенды о чудесах». Буддийские легенды и вправду полны чудесами, так что моя совесть оставалась относительно чистой.

Книга вышла невообразимым для сегодняшнего дня тиражом в 70 тысяч экземпляров, разошлась мгновенно и стояла на черном рынке четыре номинала, чем я страшно гордился.

– Как бы Вы сформулировали: в чем очарование классической японской литературы, и почему с ней непременно стоит познакомиться поближе?

– Классической японской литературой принято считать литературу периода Хэйан (IX–XII вв). Проза этого времени в значительной степени написана женщинами. Взять хотя бы самое знаменитое произведение той поры – «Повесть о Гэндзи». А ведь ее написала женщина по имени Мурасаки Сикибу. Это поразительно тонкая литература. В тогдашней

Европе (я сейчас не принимаю в расчет античную литературу) не было ничего подобного в части тонкости описания чувств. С тех пор прошло десять веков, и поразительно, что те японцы так глубоко понимали человеческую природу.

«Повесть о Гэндзи» – проза сюжетная. Существовал и бессюжетный жанр – *дзуйхицу* («вслед за кистью»). Он предполагает, что произведение пишется без всякого плана, как получится. Ну, или автор делает вид, что кисть управляет им, а не он кистью. Одно из лучших произведений этого жанра – «Записки на досуге» Ёсиды Канэёси. Когда после кончины Канэёси обследовали его хижину, обнаружили, что стены ее завешаны листочками, на которых он записывал то, что приходило ему в голову. Листочки сняли, соединили в произвольном порядке – вот и получилась великолепная книга, полная мудрых и парадоксальных суждений, которые пригодятся и современному человеку.

– А что общего у японской литературы с западной или русской, а в чем – принципиальные отличия?

– Это зависит от эпохи. Скажем, в хэйанской литературе много любви. Позже, во времена правления сёгуната Токугава, свободная любовь стала считаться родом помешательства. Поэтому, когда в середине XIX века произошло повторное знакомство Японии с Западом (а первое случилось в XVI веке), японцы были страшно удивлены тому, сколько места в европейском романе уделялось любви. И тогда они вспомнили про свое хэйанское наследие.

В целом, японская литература все-таки тяготеет к малым формам. Это соответствует национально-

му характеру и парадоксальным образом отвечает потребностям сегодняшнего дня, когда молодежь разучилась читать длинные произведения. Японская литература – компактная.

Японская литература уделяет много внимания внутреннему миру человека. Именно поэтому Достоевский для японцев – фигура культовая. Японцы любят психологизм, и именно поэтому японские писатели так любят поместить человека в замкнутое пространство. Так, Кобо Абэ в своем знаменитом романе «Женщина в песках» изолирует главного героя в песчаной яме и пристально рассматривает, что у того творится в душе. Такая изоляция от внешнего мира – достаточно типичный ход для японской литературы.

Разумеется, в современной японской литературе есть и произведения, которые могли бы быть написаны и европейцем. В этом году вышел эпический роман «Столица в огне» живого классика Кага Отохико. Это такая «Война и мир» с японскими декорациями – рассказ о предвоенных и военных временах. Я и мои коллеги получили огромное наслаждение, когда работали над переводом.

Современная японская литература многообразна, и каждый, наверное, сможет найти в ней то, что соответствует его душевному настрою.

– Вы были одним из соавторов перевода таких основополагающих произведений памятников древнеяпонской литературы, как «Кодзики» и «Нихон сёки». В чем уникальность этих произведений?

– «Кодзики» и «Нихон сёки» – это мифы. Всякому человеку, которому интересен миф, будут интересны и мифы японские. Миф – это рассказ о начале мира. И если для греческого мифа и вообще для западной парадигмы характерен конфликт отцов и детей, то для японского мифа – нет. Боги там тоже ссорятся – и еще как! – но происходит это внутри одного поколения. Центральные персонажи японского мифа – богиня солнца Аматэрасу и бог бури Сусаноо – брат и сестра, вот они и конфликтуют.

Любопытно, как эта закономерность прослеживается и дальше, уже в истории. Все-таки для японского общества бунт молодого поколения против отцов сильно ослаблен по сравнению с Европой. Японская почва не порождает произведений вроде «Отцов и детей» Тургенева.

Центральный миф западной и русской культур – христианский. У мира есть Творец, и он – один. В Японии же в акте творения задействовано много божеств, очень часто – это мужчина и женщина, что,

как мне кажется, больше соответствует человеческой природе. В синтоизме много божеств, и отношение японцев к «чужим» богам – не такое нетерпимое, как в европейской культуре. Это очень важный момент для понимания японской души – веротерпимость.

– Вам принадлежат переводы произведений многих современных японских авторов – Кавабата Ясунари, Исихара Синтаро, Тавада Ёко. А кто Ваш любимый современный автор? И почему?

– Я уже упомянул Кага Отохико и его замечательный роман «Столица в огне». Очень люблю рассказы Кавабата Ясунари, я перевел его сборник «Рассказы на ладони». Это прекрасная книжка, недооцененная как в Японии, так и в западном мире. Это очень хорошие рассказы, в которых автор дает мастер-класс – как на крошечном пяточке разворачивать чувства в сюжет. Кавабата очищает воздух от выхлопов, он становится прозрачен, звенящ и по-осеннему печален.

– Не могли бы Вы посоветовать, с чего стоит начинать знакомство с японской литературой? Есть ли какие-то секреты или хитрости, которые помогут в этом продвинуться?

– «Рассказы на ладони» Кавабаты подойдут всякому. Хороший и одновременно простой для восприятия автор – Эндо Сюсаку.

А секрет, по моему мнению, заключается вот в чем: если вас что-то удивляет в японской литературе, не стоит считать себя умнее автора, умнее японца. Попробуйте разобраться, понять, что существует и иной взгляд. Прелесть мировой культуры – в ее разнообразии. Глобализация безжалостна, она уничтожает разнообразие. Для меня же очарование состоит в множественности. Существует русская литература, японская, французская, английская, американская, – и каждая из них хороша по-своему. Люди – разные, не надо стричь их под одну гребенку. ▣

**МЕЩЕРЯКОВ
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ**

Профессор Института классического Востока и античности ВШЭ. Автор более 300 публикаций по истории и культуре Японии, книг стихов и прозы. В переводах А. Н. Мещерякова изданы «Японские легенды о чудесах», «Дневник Мурасаки Сикибу», роман Кага Отохико «Столица в огне» и др. Награжден императорским орденом за вклад в развитие взаимопонимания между Японией и Россией (Япония, 2020).